

МЕТАФИЗИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

METAPHYSICS OF URBAN SPACE

N. Voronina

Summary. Following Heidegger's thoughts about human being-understanding, cultural studies reveals the essence of man in his polyphonic man is the Creator of the city, man is the Creator of the city and the urban conditions and at the same time their product. These processes are built primarily on a symbolic basis. For analytical thinking, the author turns to metaphysics Saransk, choosing his symbolic space with such "stops": city place, city name, city, body, city text, and the city is a myth.

Key words: city, place, space, metaphysics, symbol, anthropological vision, name, body, text, myth, Saransk.

Воронина Наталья Ивановна

*Д.ф.н., профессор, МГУ им. Н.П. Огарева, г. Саранск
kafkmg@mail.ru*

Аннотация. Следуя хайдеггеровской мысли о человеческом бытии-понимании, культурология открывает суть человека в его полифоничности: человек — творец города, человек — создатель самого города и городских условий и в то же время их продукт. Эти процессы строятся в основном на символической основе. Для аналитических размышлений автор обращается к метафизике Саранска, избрав его символическое пространство с такими «остановками»: город-место, город-имя, город-тело, город-текст и город-миф.

Ключевые слова: город, место, пространство, метафизика, символ, антропологическое видение, имя, тело, текст, миф, Саранск.

Город и городское пространство предоставляют большие возможности для человека прочитывать его при помощи символов и знаков, и, в свою очередь, награждать такими символами и знаками городское пространство. Знаки и символы выступают не только отражением уже существующих объектов, они вместе с их осмыслением создают мир. «В семиотических знаках города кодируется восприятие и понимание человеком окружающей его среды, придание ему определенных смыслов, различение собственного личного индивидуального пространства и его соотношение с пространством «другого», с пространством «всех», с объективированным пространством поселения» [11, с. 109].

Саранск — город одновременно провинциальный и столичный (Республика Мордовия), поэтому важно и интересно рассмотреть не только его символическое пространство, но и антропологическое видение Саранска, его особые знаковые черты в метафизике этого города. Оговорю следующее обстоятельство, которое не очевидно: кому лучше судить о городе — внутреннему или внешнему наблюдателю. Как всегда, одни полагают, что лучше, объективнее внешняя позиция, другие — внутренняя [8]. Оправдание для меня, автора статьи, одно — я не просто наблюдатель, я здесь живу. Живу с самого начала жизни. Поэтому к Саранску отношение онтологическое. Если наш город стал столицей с 1934 г., то провинциальное в нем жило с незапамятных времен. Саранск — это ландшафтный мир профессиональной и научной деятельности. Здесь ландшафту приписывается (вслед за В.А. Подорогой) метафизическое измерение, где метафизическое значит «незримое зримого» или «зримое становление незримого» [10].

В процессах становления городского пространства человек также исследовался как составная часть, как элемент городского сообщества, житель урбанизированной

среды. Этого совершенно не достаточно. Необходимо рассмотреть горожанина как активного субъекта, воздействующего на среду своего обитания, конструирующего ее в соответствии со своими потребностями, создающего ее и одновременно под влиянием, как этой среды, так и своей деятельности изменяющего самого себя. Особого внимания заслуживают взаимосвязи и взаимоотношения человека и города. Следуя хайдеггеровской мысли о человеческом бытии-понимании, культурология открывает суть человека в его полифоничности: человек — творец города, человек — создатель самого города и городских условий и в то же время их продукт. Эти процессы строятся в основном на символической основе.

Возьмем для аналитических размышлений метафизику Саранска, избрав его символическое пространство с такими «остановками»: город-место, город-имя, город-тело, город-текст и, наконец, город-миф.

Город-место. Саранск основан как крепость-острог в 1641 г. на возвышенном левом берегу реки Саранки (по указу Михаила Федоровича Романова 1636 г.). Это был перекресток больших гужевых трактов, названия которых менялись (Старинный, Буртасский, Нагайский, Большая табунная, Большая Московская, Сурская и Крымская дороги, Посольский тракт и др.), «много десятилетий оживлявших экономическую жизнь местного населения» [3, с. 6]. Саранская сторожевая черта (построена раньше, в 40-е годы XVII в.), сначала называлась Атемарской, а сама крепость пересаживалась на ней, то выше, то ниже по Саранке. Поначалу надо было нести охранительную службу «для защиты и целостности покоя христианского от бурсурманских, татарских походов» и строить сооружения для быта, что и осуществлял первый воевода Савва Козловский. Саранск был поставлен охранять, но сам рубеж достаточно размыт (он тянулся по валу), поэтому замысел города не военный, а вполне житейский, на случай. Слу-

чай были разные — менялся статус, головная губерния, в которую входил город (Тамбовская, Пензенская), границы близлежащих областей и республик, придание самостоятельности.

На первом гербе Саранска — лиса и стрелы (природные знаки!), что символизировало хорошо развитый пушной промысел; а еще с Суры доставлялась стерлядь к царскому столу, конопля для ткачества — так город приносил и иную пользу государству, помимо сторожевой. Саранск сегодня как столица Республики Мордовия, обрел огромный научный и промышленный потенциал; герб, оставшись тем же, подчеркнул новую современную символику: лиса как спираль внутри лампочки света (один из символов светотехнического города), а стрелы — в копьей-диоды. Так соединилось прошлое и современность.

Имя города по разным версиям связано с местом: частичка *sar, sara* — болотная местность, желтая кувшинка (символика желтого цвета весьма сложна: наряду с позитивными «желтыми» ключевыми словами: ловкость, общительность, радостное восприятие жизни, оригинальность, усердие, восприимчивость, терпимость, честность, уверенность в себе, присутствуют и негативные: язвительность, сарказм, вероломство, невежество, любовь к болтовне, критичность, нетерпимость, склонность к осуждению других, рассеянность, глупость) [1, с. 229]. Конечно, в любом городе набор таких ментальных черт жителей присутствует, какие-то преобладают, а некоторые — отсутствуют. Отмечу, что саранские жители весьма усердны, терпимы, уверены в себе, но и язвительны, мало критичны и самодовольны. И если десятки лет назад спорили о том, так ли желтый цвет и болотная местность мешают развитию города (по правому берегу реки Саранки), то сегодня ее использовали по полной программе: открыли на болотном (осушенном) месте спортивный комплекс «Старт», Водный стадион и Ледовый дворец, бассейн. Поэтому стоит заметить, что город когда-то, вобрав частичку *sar* в свое название, доказал, что новые методы застройки, не только позволили осушить природный ландшафт, но и придать ему современный градостроительный (наполовину тоже водный) облик и звучание.

Город Саранск, вопреки желтой кувшинке, сегодня можно назвать городом роз. Их разноцветье и благоухание стали приметой современного Саранска. В этом есть не только символ очарования и красоты, но и некое волшебство: голос культуры, голос успешности, голос чистоты и, конечно, голос магии. Символика провинциальности нашего города гармонично дополнена символикой иного волшебства, которое не только прекрасно, но и преемственно от желтой кувшинки.

Город-имя. По другой версии Саранск носит частично имя реки (*Инсар, Саранка*), но не человека (хотя вокруг

него были и есть города Горький, Ульяновск). Название историческое, «допотопное» и его никто не переименовывал (участь же именных городов часто зависима от культурных сдвигов, и переименования были неизбежны (и не один раз!): Екатеринбург, Петербург, Волгоград и др.). Замечу, что эта традиция оказалась устойчивой и для округи: лишь одно имя было изменено (станция Арапово в Ковылкине (сегодня это город) в честь комиссара железных дорог С.Т. Ковылкина), остальные малые города мордовского края сохранили историческую первозданность (Ардатов, Краснослободск, Инсар и т.д.).

К имени города, как и человека, часто приклеиваются метафоры — клички, переводящие культурное, официальное наименование в мифологическое, которое, как говорится «не в бровь, а в глаз». И если этого не случилось с именем самого Саранска, то очень пышно «расцвело» внутри него. Вот «Саранские горы», официально не существующие, но давно и прочно укрепился миф, что город стоит на семи горах (холмах) и каждая из них имеет свое название (по версии В.М. Куклина): Земская, Острожная, Спасская, Успенская, Поклонная, которая разделена на Верхнюю и Нижнюю, Лысая [9, с. 556–560]. Ну, чем не «Рим на семи холмах!» — и это «греет» каждого саранского жителя, а молодожены «освоили» их как очень важный ритуал в своей судьбе.

Можно говорить о названиях отдельных домов, которые и раньше носили разговорный оттенок: «Дом Мышкина», «Дом Кубанцевых», «Дом Желтухиных» и др., и оттенок этих названий был благоговейный. Сегодня же мифы возникают мгновенно с новыми постройками и «несут социальную иронию, своеобразно фиксируя общественное мнение» (В.Н. Куклин): «Барский дом» («Пентагон»), «Белый дом», «Дворянское гнездо», «Дом-клюшка», «Дом-телевизор», дом «У Христа за пазухой» и др. Новая тенденция в городе связана с неоправданным сносом исторических домов и заменой их иногда худшими вариантами. Это вызывает острые полемические споры и еще о том, зачем Саранску столько домов с башнями и шпилями? (Ну, не Питер же! не Адмиралтейство! И не каждая «литовская конструкция» может «носить» на себе такое украшательство): Саранск был всегда «безбашенный», стал «и башенный, и шпилястый»!

Город-тело. «Город реализует идею организации пространства обитания человека, включая различные формы телесности: самого человека и внешнюю телесность (жилица, коммуникации). Город-тело есть продолжение человека вовне, это символическое тело человека, культурное, социальное, коллективное тело. Город — это проекция сознания человека во внешнее пространство. Быть горожанином — значит «городить», определять, структурировать мир вокруг себя и самого себя, строить храм и храм своей души», — пишет С.П. Гурин [7].

Сегодня происходит масса процессов, меняющих иногда в корне лицо города, но сама сущность, тело города остается неизменным. Оно в том, что отличает город от не-города и наполняет его соединением современной культуры и старой среды.

Саранск представляет типическое явление малых городов России в плане застройки; это создание центра с площадью и храмом, а вокруг пространство мелких построек, полукрестьянских домов. Сегодня — это официальный центр и несколько неофициальных — в микрорайонах, плюс масса пригородов с так называемыми дачными поселками. Саранск — типичный город с нерегламентированными фасадами частных домов и их окраской, поэтому представляет и по сей день пеструю картину. Рядом с похожими как две капли воды многоэтажками, стоят, словно изо всех сил пытаясь уйти в землю, покосившиеся деревянные домики и растасканные по кирпичику, частично или полностью, купеческие особняки. Дома в Саранске стоят отдельно, не прислоняясь друг к другу, т.к. пространство позволяет размещать их на большой территории, что создает своеобразие в коммуникативных отношениях горожан. Саранск как мера самого себя изначально дискретен, распадается на части, мельчайшие «атомы», каждый из которых есть «весь во всем».

Несмотря на то, что в XX в. Саранск приобрел вид стандартного провинциального города, названного весьма образно «кентавры», сегодня, именно в XXI в. Саранск меняется до неузнаваемости. Он стал приобретать отчасти европейский лоск. Появились уникальные по архитектуре здания, площади не разрозненные, а объединенные духовным началом: площадь 1000-летия, к примеру, собрала вокруг новые здания университета, национальной библиотеки, театра оперы и балета, культурно-развлекательного центра с мощным (40 м. в высоту) фонтаном.

Известно, что города по-разному рождаются и разному порождают. В каждом городе есть свои стигмы (знаки), свои собственные классификации существенных признаков, связанных с личными именами. Это «Саранск Эрзы и Сычкова», «Саранск стратонавтов», «Саранск — город света», «Саранск М.М. Бахтина», описание которых в сумме дает совмещение двух взглядов на город: если первый воссоздает панорамный обзор, то второй — частный, зависимый от мгновения времени и точки, с которой производится обзор. Они не только не поглощают и не упраздняют значимость города, а наоборот, увеличивают ценность духовного тела города.

Назову еще несколько таких мест, которые в последние годы стали культурными доминантами в Саранске, где хочется прогуляться, посидеть под раскидистыми деревьями, куда съезжается вечерами молодежь для «тусовок»: Соборная площадь («Соборка»), Театральная пло-

щадь, Парковый спуск с памятником А.С. Пушкину, Парк им А.С. Пушкина, Набережная реки Саранки, Площадь у Храма иконы Божьей матери со светомузыкальным фонтаном и др.

Как видим, город рождается и сам рождает, производит, объединяет и разделяет нас с другими людьми как актор или агент социального взаимодействия. Рождаясь как город, он выполняет определенную культурную функцию, такую же, как и любой другой город. А именно: «дает возможность человеку переместиться с периферии ойкумены в ее центр, оказаться в месте сосредоточения многих людей (а у такого сосредоточения особая энергетика), где могут возникать и кристаллизоваться, обретать прочность новые формы поведения и жизни. Город дает возможность оказаться даже в «центре города», а это, согласитесь, что-нибудь да значит» [12, с. 133].

Тело города украшают не только здания, но и памятники, «поставленные для памяти и назидания». В них есть одна особая черта, которую удалось подметить именно в Саранске. У всех саранских героев ярко выраженная возвышенность чувств, полет мысли и открытость взора. Понятно, что у Стратонавтов по-другому не могло быть; Степан Дмитриевич Эрзя взволнованно и мечтательно общается с деревом; Александр Сергеевич Пушкин в глубокой задумчивости под присмотром музы, протягивая руку к своему читателю; Федор Федорович Ушаков поднят на высокий постамент, но это не мешает «прочитать» характер флотоводца, его отвагу и мужественность; Николай Платонович Огарев — «летающий» в будущее к «свободе слова»; Емельян Пугачев своей мощью и широтой размаха руки пытается, как бы разрушить существующую власть; есть и «Семья», устремленная к реальному Храму и мечтающая о будущем ребенке. Наши памятники создают не только определенную атмосферу монументального искусства в городе, но и психологически выстраивают контекст особого культурно-исторического времени и особую духовную ауру. К сожалению, пространство этих памятников (тел) слишком сужено и простирается больше в центральной части города [См. 4, с. 30–40].

Много раз пытались переконструировать Саранск, перенести его центр в какой-либо микрорайон. Так было в 70-е годы, когда закладывали фундамент музыкального училища с большим концертным залом на ул. Гагарина (Юго-Запад). Говорили: «Пройдет 10–20 лет, центр переместится туда и зал будет востребован». Но, увы, много чего построили на Юго-Западе, но не случилось... Сегодня в этом зале монтируют орган опять с большой надеждой, что именно он станет притягательной музыкальной силой для слушателя, концертная жизнь в нем закипит. И весь город будет съезжаться... Отмечу, что если город-конструкция позволяет перенести центр, то в Саран-

ске оказалось этого сделать невозможно, в центр можно только «попасть» [5, с. 40].

Город–текст. С семиотической точки зрения город и городское пространство во всем его символическом богатстве может рассматриваться как Текст. В городе формируется социальное расслоение, дистанцируются и фиксируются различные социальные роли людей, отражающиеся в различных сторонах жизни горожан, начиная от различий в функциях, взаимоотношениях, этикете, одежде, пище, жилище, и заканчивая изменением и особой структурированностью городского пространства.

В тексте, символике любого города важна идея конструирования, постоянного выстраивания себя как на некоей сцене. Здесь мы имеем в виду уже не «умышленность» города, а необходимость заботы о его имидже. При этом сцена и кулисы постоянно меняются, т.е. становится публичным то, что пряталось, и наоборот. Что прячет в себе Саранск?

В текстах города можно выделить саранский стиль, саранскую речь, вообще всякое саранское качество, одновременно соединяющее и разъединяющее культурный текст города.

Так, Саранск — это Россия, но он не транслирует представления россиянина об идеальном городе, являясь одновременно столичным городом по отношению к районным городам своей республики, но, в то же время провинциальным, а это значит, что в нем живет дух столичного и провинциального, и даже деревенского. Саранск стоит на материковой почве, в центре европейской части России, а потому тяготеет к «замкнутости и концентричности» (Ю. М. Лотман).

Названия саранских улиц и площадей, районов, каких-либо значимых мест — своеобразная городская «книга» жизни. Это целый мир культурных кодов, которые дают представление об истории и психологии людей, здесь живущих. И, что очень важно, эти знаки не просто фиксируют смену идей, но и, в свою очередь, оказывают влияние на внутренний мир «читателей», подспудно формируя его. До 1917 г. на их выбор, в первую очередь, влияла храмовая культура Саранска, богатая Первой, Второй или Третьей Богословской, либо Рождественской или Успенской. Новое время скоропалительно сменило названия, они и сегодня «украшают» город, делая его культурный контекст серым и унылым (Советская, Пролетарская. Коммунистическая, Большевикская, пр. Ленина и др). Городу и его жителям не хватает звенящих своими именами: Бахтинской, Яушевской, Эрзинской, Ушаковской, Университетской и др. улиц, которые не только хранили бы память о выдающихся людях, но создавали бы аромат особого духовного текста Саранска, его истории [6, с. 19].

Отмечу зеленый наряд города. Холмистая местность с многочисленными зелеными массивами (естественными и искусственными) создают еще один, своеобразный текст Саранска. Лес как бы обступил город, взял его в кольцо, благоухая разнообразием крон: весной распускающейся листвой, летом — пушистой зеленью, осенью — багрянцем и золотом красок, ну, а зимой — пушистым белым нарядом. Природа хотя бы в этом плане оказалась щедрой к нашему городу, обделив его большой рекой. Человек — хозяин Саранска, сегодня, как и во все времена, чтит эту драгоценную красоту, обогащая ее красками городского модерна. Тем не менее, современный город все больше превращается в «парк домов», а из окон квартир открывается не вид, а все чаще — клочок неба между домами. И все-таки Саранск вполне выдерживает диалог провинциального города со временем, остается хранилищем пространственного ландшафта российской культуры, неповторимостью своеобразного мира малых городов России.

Саранск рождает спокойного, уравновешенного субъекта. Веря прессе, отметим, что он не сильно темпераментен и активен, склонен к тихому, провинциальному бытию. В литературных текстах, особенно в поэзии Саранск называют родным и теплым, любимым и радушным, «городом добра и открытости». В тоже время это город высокой университетской культуры, город знаний, интернациональной дружбы и сохранения этничности.

Ю. М. Лотман считал, что тяга к символике проявляется и входит в самосознание сильнее, если есть внешний наблюдатель, соперник. У Саранска вряд ли есть соперник. Есть некий взгляд из Москвы, что Саранск — город источников света, полупроводниковой и оптоволоконной промышленности; Саранск — сегодня еще один из городов Футбольного чемпионата 2018; Саранск также один из самых благоустроенных городов Поволжья (победитель в конкурсе 2012, 2014, 2015), можно сказать — город-провинция, как «ловкий» субъект федерации.

Город-миф. История Саранска изучалась в XIX и XX вв., были написаны очерки, статьи, книги, но в 90-гг. пробудился особый интерес к отдельным улицам, домам города; газеты открыли специальные рубрики, широко стали представлять фотоисторию; художники начали создавать серии графических и живописных работ; зазвучали песни о Саранске; на телевидении, радио и в газетах и сегодня объявляются конкурсы на знание своего города. Все это говорит о пробуждении самосознания горожан и в тоже время обязывает раскрывать нечто универсальное, показывать наши отношения с универсалиями бытия и знаменитой загадочной российской душой. Так, появлялись и появляются мифы, которые есть в культуре каждого города («Блистательный» и «Блокадный» Петербург или «Северная Венеция», «Самара — третья столица», «Москва — третий Рим», «Саратов — Афины Поволжья», а «Нижний Новгород — столица Повол-

жья» или «Карман России» и т.д.). А каков же наш миф? Какие понятия попадают в структуру взаимосвязей образа города и городской мифологии, с чем они связаны? Скорее всего, это статус города, облик города, стереотипы о городе, городская символика, городской фольклор, душа города и т.д.

Саранский миф — миф «окраинного» города, и это при том, что он всегда стремится к столичности. Он тихий, уютный, молчаливый в условиях, когда Россия переживает процесс регионализации, этнос дробится, сильна самоизоляция, даже национальная идентичность становится мозаичной. Эти процессы противоречивы, но, видимо, неостановимы.

В этих условиях роль окраины изменяется. В культуре происходят процессы, «обозначаемые как артикуляция, реконфигурация и заимствование» [2]. Артикуляция показывает, какой именно стиль поведения или способ действий принимает за основу город. «Реконфигурация показывает, какие сферы из маргинальных стали центральными, а заимствование (или перенос) — что может рассчитывать на поддержку других сфер деятельности. Окраина оказывается в центре, вернее, центр оказывается везде, где есть изменяющее мир деятельное и ответственное присутствие», — пишет Т.П. Фокина (12, с. 133).

Так, Саранск, по сути провинциальный, а по содержанию университетский город с богатыми традициями естественнонаучного, инженерного и гуманитарного образования. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева получил статус национального исследовательского университета (НИУ). Пользуется авторитетом саранские гуманитарные научные школы (социологическая А.И. Сухарева, культурологическая Н.И. Ворониной, политологическая Д.В. Доленко), а также работы их представителей в области провинциальной, этнической и реги-

ональной культуры и политики. Такого рода исследования создают предпосылки для выбора устойчивого «регионоцентричного» пути для республики. Сегодня это особенно важно в формировании «городской идентичности» в связи с существенным оттоком населения из Саранска.

Саранск сегодня высказывает претензию на некую универсальность в области возрождения финно-угорской культуры в России. Он является символом и основой возрождения мордовской культуры, объединяя российские диаспоры в один, очень мощный этнический центр, заявляя, что это истоки жизненности (как таковой) эрзян и мокшан. Таков еще один миф нашего города. И для этого идет поиск решений в области развития так называемых «мягких инфраструктур»: нового образа жизни, комфортной атмосферы и среды, современных гуманитарных технологий, малого предпринимательства, инноваций в культуре, искусстве и образовании, а также реализации крупных культурных проектов, позволяющих одновременно повысить уровень «капитализации» города на глобальном рынке, в том числе недвижимости и культурно-бытовых ландшафтов. Таким образом, региональное развитие идет в ногу с культурной и образовательной политикой.

Вот так Саранск «строит» свое символическое пространство, а каждый житель, чувствуя его реальность, воспринимает и подчиняется его принципам. Своеобразные знаки времени соответствуют «живой хронологии» (Т.С. Злотникова) и обладают (или им приписывают) особой метафизической значимостью, становясь «своими» и очень ценными символами для саранских жителей на все времена. А размышляя о них, мы прорываемся к самим основам человеческого существования, которые напрямую связаны с культурной политикой и с культурой власти в городской среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонде Л. Магия цвета. — СПб., 1997. — 824 с.
2. Волков В. В. О концепции практик (и) в социальных науках // Социс. 1997. № 6.
3. Воронин И. Д. Саранск. Историко-документальные очерки. — Саранск, 1961. — 268 с.
4. Воронина Н. И. Города и люди: культурная идентичность. — Саранск, 2008. — 100 с.
5. Воронина Н. И. Символическое пространство Саранска // Феникс-2013. — Саранск, 2013. — С. 38–43.
6. Воронина Н. И. Бахтин-Саранск-Бахтин: университетский взгляд // Хронотопия города. Гении места: наследия культуры в современных российских городах. — Самара, 2016. — С. 14–21.
7. Гурин С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // <http://www.topos.ru/article/6747>.
8. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. — М., 1993. — 208 с.
9. Куклин В. Н. Топонимия Саранска \ Саранск (малая серия): в 2 т. Т.1. — Саранск, 1997. — 576 с.
10. Подорога В. А. Выражение и смысл. — М., 1995. — 214 с.
11. Сиротина И. Л. Пространства современного города \ Город и время (The city and time): в 2 т. Т. 1. — Самара: ООО «Книга» 2012. — С. 103–109.
12. Фокина Т. П. Метафизика Саратова \ Пространственность развития и метафизика Саратова. — Саратов: Изд-во ПАГС, 2001. — С. 128–140.